

Архимандрит АНТОНИЙ (А. П. ХРАПОВИЦКИЙ)

Нравственное содержание догмата о Святом Духе (1896)

(Против Л. Толстого)

Христианское учение о Святом Духе не представляется для всех достаточно ясным со стороны того нравственного содержания, которое выражается в этом догмате. Правда, просвещенные христиане знают, что Св. Дух есть третье Лицо Пресвятой Троицы, источник благодатного озарения пророков и апостолов, а равно и всякого благодатного дара, подаваемого христианам во св. таинствах, особенно же в таинстве миропомазания и священства. Надо, однако, признаться, что самые свойства этих благодатных даров сознаются у нас довольно смутно, а кроме того, остается совершенно неясным, какое значение может иметь та сторона догмата, что источником благодати является не Иисус Христос, а *«иной Утешитель»* (Ин. 14 : 16), как называет Его наш Спаситель.

Эта неясность тоже дала повод нашему неумолимому обвинителю Л. Толстому настойчиво утверждать, будто Церковь затмевает значение личности Иисуса Христа измышленным ею учением о Св. Духе, так что и вера православная совершенно несправедливо присваивает себе название христианской, а должна быть названа *«святодуховской»*. Христианство есть прежде всего известное нравственное непонимание, говорит нам писатель, а православие, по его мнению, есть сознательное отступление от непонимания и замена его учением мистическим, превращение жизненного подвига в систему религиозных волшебств под именем таинств при допущении самых противонравственных устоев жизни общественной и личной. Учение о Св. Духе как главном Деятеле религиозного развития и есть, по

Толстому, тот вымысел православия, под прикрытием которого ему удается подменять нравственное учение Евангелия праздным обрядоверием.

В противовес такому обвинению, да и независимо от всяких обвинений, просвещенный христианин должен же дать отчет себе и всякому вопрошающему (1 Ин. 3 : 15) о своем уповании, о том, почему он дорожит открытой ему в учении Церкви истиной о свойствах и действиях Св. Духа, — должен уяснить себе нравственное содержание этого догмата.

Учение о третьем Лице Пресвятой Троицы с наибольшей ясностью было раскрыто в Прощальной беседе Господа со своими учениками. Никакое предубеждение не может уничтожить той ясной истины, что под Утешителем Господь разумел не какую-нибудь безличную силу Божию, а именно живое Лицо, отличное от Него и от Бога Отца как именно «Иного Утешителя». Свойство Св. Духа как живой личности сказывается и в том, что хотя слово «дух» по-гречески среднего рода (το Πνεῦμα), но заменяющее его местоимение употребляется в мужском: «Он Меня прославит — εχίνοφ ζμε το ζαδεφ» (Ин. 16 : 14) и проч. Какую же мысль заключает в себе то наименование Утешителя, с которым впервые открыт догмат во всей его ясности? С первого взгляда может показаться, что Св. Дух будет утешать апостолов в разлуке с Иисусом Христом, но подобное толкование опровергается Его же словами: *«Лучше вам, чтобы Я пошел, ибо, если Я не пойду, Утешитель не придет к вам, а если пойду, то пошлю Его к вам. И Он, пришедши, обличит мир о гресе, о правде и о суде»* (16 : 7–10). Утешение в потере, очевидно, не может быть ценнее самого потерянному предмета, поэтому объяснения этого имени должно искать в словах дальнейших: Св. Дух будет утешать последователей Господа в борьбе их с миром, в ненависти к ним мира, и действительно, дальнейшая речь Господа раскрывает со всею ясностью значение этого небесного Утешителя. В то время как мир будет надмеваться над проповедниками Евангелия, ненавидеть их и изгонять (15 : 17–21), и даже считать угодным Богу их убийство (16 : 2), в это самое время Утешитель, пребывающий в апостолах, будет поддерживать бодрость в них, дотоле малодушных, сердцах, обличая в них этот страшный, гордый мир в грехе неверия, наставляя их на всякую истину, напоминая и разъясняя им прежние мысли их Учителя, дотоле им непонятные, и раскрывая им будущие судьбы мира (16 : 9–14). Таким образом, взамен прежнего страха пред мирскою силою и оружием, взамен скорби об уничтожении Христа миром, Утешитель вложит в сердца апостолов то начало нравственного удовлетворения правдою Христо-

вой, которое научит их торжествовать среди гонений, как это действительно и сбылось вскоре после Пятидесятницы, когда поруганные и опозоренные темничным заключением апостолы вознесли к Богу восторженную молитву, *и, по молитве их, поколебалось место, где они были собраны, и исполнились все Духа Святого и говорили Слово Божие с дерзновением* (Деян. 4 : 31).

В таком истолковании слова «Утешитель», в смысле утешителя исповедников Христовой истины в их борьбе с миром, в смысле дарователя внутреннего нравственного удовлетворения при внешних страданиях и позоре, мы убедимся, когда отыщем, откуда Господь заимствовал это наименование в области известных тогдашним иудеям религиозно-нравственных представлений, а затем проследим действие Св. Духа в жизни апостолов и в вечном строе Церкви Христовой, но предварительно остановим свое внимание на том обстоятельстве, что такое дарование победоносного радостного терпения возможно лишь от иного Утешителя, а не от самого Иисуса Христа.

Уничуждение, в котором всегда пребывает на земле дело Христово и делатели Его, постоянно будет искушать последних тем унылым сомнением, в котором коснели ученики Его, не хотевшие еще верить вести о Его воскресении и говорившие о Нем: *«А мы надеялись было, что Он есть Тот, который должен избавить Израиля»* (Лк. 24 : 21). Правда, ученики не решались назвать Иисуса обманщиком, но готовы были счесть Его за самообольщенного человека, как действительно и смотрят на Него нынешние иудеи. Посему-то нужен иной Свидетель, идущий вослед Иисусу, как Предтеча шел впереди Него; иной Утешитель, подающий исповедникам небесную радость среди их скорбей и свидетельствующий об Иисусе (Ин. 15 : 26), что Он восшел ко Отцу, а князь мира сего осужден (16 : 11). С этим Утешителем апостолам во время их проповеди было лучше, чем с самим Иисусом Христом, ибо, просветленные Его небесным научением и свидетельством об Иисусе, они становятся к Нему ближе, чем были при жизни, когда не могли вмещать Его слов, которые теперь Дух Святой им напоминает и изъясняет (16 : 12,13), так что они не боятся креста, но хвалятся им (Гал. 6 : 14), и, осуждая мир, исполняют безбоязненно слово апостола: *«Иисус, дабы освятить людей кровию Своею, пострадал вне врат. Итак, выйдем к Нему за стан, нося Его поругание»* (Евр. 13 : 12, 13), т. е. ради Него выйдем из охраняемых миром законов общежития в состояние позорных отверженныхников, не боясь последнего, так как его переживал и Сам Христос.

Как приблизить нашему непосредственному разумению такое действие «инога Утешителя»? Думается, что многие испытывали нечто подобное в страданиях своих за правду. Когда за совершенно правое и святое дело приходится принимать уничижение и ненависть, иногда даже со стороны людей уважаемых и дорогих, тогда душа наша впадает в темное, беспросветное состояние. Бог, Воздатель и Промыслитель, допустивший это, тогда нам кажется тоже карателем, а не Покровителем; состояние бывает близкое к отчаянию. Но вот встречается нам в качестве утешителя хотя бы и простой человек, но чистый и убежденный, исполненный радостного одушевления. Тогда точно огонь возгорается в сердце нашем; внезапно те самые обстоятельства, которые нас подавляли горем, теперь начинают одушевлять героическим восторгом; такова сила утешителя. В истории страданий св. мучеников подобные явления происходили весьма часто. Для крепости их нужны были иные утешители, когда самый путь креста Христова подвергался искусительному испытанию в их истомленной душе: нужен был внешний свидетель и утешитель, как тот Ангел, который укреплял Самого Иисуса Христа в Гефсимании. Таковы утешители — люди и ангелы, еще сильнее Утешитель — Дух Святой для страдальцев за Христа. Очевидно, что таким утешителем не может быть действующая в страдальцах вера Христова, а удостоверяющий в самом ее действии в те часы скорбей особый, равный Христу *Утешитель иной*, не меньший, чем Сам Христос, Божественный, но не тождественный с испытывающим Отцом и как бы испытываемым Сыном. Вот в чем и заключается высокое, святое значение даров Св. Духа, Который, подавая исповедникам Христовой истины сверхъестественную радость в скорбях и внутреннюю духовную победу над торжествующею извне неправдою мира, является увенчивающим подвиги святых как Бог и потому называется не иначе как именно Духом Святым. Итак, это не измышление мистицизма, не подмена подвига жизни системой религиозных волшебств, а именно та наивысочайшая освящающая сила, которая малодушных рыбаков соделала дерзновенными победителями вселенной чрез слово и жизненный подвиг.

Теперь проверим такое значение этой истины чрез Ветхий и Новый Завет и жизнь Св. Церкви. Господь называл Св. Духа Утешителем в смысле источника нравственного самоудовлетворения страдальцев. Такое понятие не чуждо было священным книгам Ветхого Завета, согласно которым располагались нравственные понятия Его слушателей и из которых почерпались все вообще

богословские определения четвертого Евангелия *, например слово, жизнь, путь, истина, благодать, свет и пр.

Имеются ли в Ветхом Завете понятия «утешение, утешитель» в смысле нравственного удовлетворения? Имеются, и именно в совершенно тождественной связи идей, как и в Прощальной речи Спасителя. *«Видел я, — говорит Экклезиаст, — всякие угнетения, какие делают под солнцем: и вот слезы угнетенных, а утешителя у них нет; и в руке угнетающих их сила, а утешителя у них нет. И блажил я мертвых, которые давно умерли»* (4 : 1,2). Ужасны, по слову Экклезиаста, не столько самые страдания, сколько отсутствие при них утешения, осмысления их. Слово «утешитель» обозначается в греч. Библии тем выражением, как и утешитель Нового Завета, параклит (*паракл*’тоф), еврейским *менахем*, от глагола *нахам*. Глагол этот именно обозначает удовлетворение, например в словах Господних у пророка Исаии: *«О, Я удовлетворю Себя над противниками Моими»* (1 : 24). От этого же глагола произведено название Ноя, этого преимущественного носителя благодати и праведности (Быт. 6 : 8) во время допотопное и обличителя греховного мира. Когда он родился, то отец его нарек имя ему: Ной, сказав: *«Он утешит нас в работе нашей и в трудах рук наших при возделывании земли, которую проклял Бог»* (Быт. 5 : 29). Равно и в прочих местах Ветхого Завета, где встречается это слово, оно обозначает примирение со страданиями, внутреннее удовлетворение, т. е. или успокоение добрых, или обличение злых. Поэтому и Нафана-обличителя называют евреи менахем. Такого-то Утешителя скорбящих ожидал Экклезиаст и, не находя его, признал всякое доброе начинание человека бессильным и бесплодным, так как кривое не может сделаться прямым (1 : 15), а всякий труд и всякий успех производит только зависть (4 : 4), и на земле одна участь бывает и праведному, и нечестивому, доброму и злому (9 : 2).

Если же участь праведных и грешных одна и даже праведным скорее предлежат крест и гонения, нежели беззаконникам, то что удержит их от греха и уныния? Удержит именно тот Утешитель, Который еще не был открыт Экклезиасту, но был ниспослан от Отца Господом Иисусом Христом. Какие же Его действия для борцов с миром или с собственным грехом? Именно те, которые

---

* Этого не заметила рационалистическая критика и искала их у Филона¹ и даже у Платона, но подобное недоразумение могло возникнуть лишь на почве теперешней специализации, когда ученые сидят по десяти лет над одной библейской книгой и вовсе не знают прочих св. книг.

обещаны были Иисусом Христом, так что победоносная радость в скорбях, стойкость и распространение веры Христовой продолжали называться у христиан утешением Св. Духа, как сказано в Деяниях: *«Церкви... при утешении от Св. Духа умножались»* (9 : 31). Самое слово «утешение», «утешаться», во всем Новом Завете обозначало именно внутреннее удовлетворение (например, Мф. 5 : 4; Лк. 6 : 24; 16 : 25), и притом преимущественно в смысле утешения в скорбях, претерпеваемых за дело Божие в борьбе с миром или с самим собою (Деян. 20 : 1,2; Рим. 15 : 4; 1 Кор. 4 : 13; 2 Кор. 1 : 4 и 7 : 7–13; 1 Сол. 3 : 2 и 2 Сол. 2 : 16). Это святое, только христианам доступное настроение, и было, и есть, и будет даром Утешителя, Св. Духа. Дары эти разнообразны, по смыслу Св. Писания, но все они имеют целью духовное совершенство, а вовсе не заменяют последнее вопреки толкованиям современных лжеучителей. Прежде всего усвоение Св. Духа верующими изменяет их в нового человека. *«Я крещу вас в воде, в покаяние, — говорил св. Предтеча, — но идущий за мною сильнее меня; я недостойн понести обувь Его: Он будет крестить вас Духом Святым и огнем»* (Мф. 3 : 11). Это второе крещение совершилось в Пятидесятницу по вознесении, по слову Господню: *«Иоанн крестил водою, а вы чрез несколько дней после сего будете крещены Духом Святым»* (Деян. 1 : 5). Всякий знает, насколько изменились апостолы после этого дивного одухотворения.

В послании к Коринфянам перечислены те духовные совершенства, которые сообщаются чрез усвоение Св. Духа: дар мудрости, веры, исцелений, пророчества и проч. (1 Кор. 12 : 8–11). В других изречениях Нового Завета об этих дарах говорится отдельно. Так, прежде всего Дух Св. проясняет совесть человека, дает ей высшую и непререкаемую уверенность в своих показаниях: *«Истину говорю во Христе, не лгу, свидетельствует мне совесть моя в Духе Святом»*, — пишет апостол Павел. Вот почему, по слову апостола Петра, Св. Дух вселяется с особенною силой в тех, кто ради послушания совести терпит скорби: *«Если злословят вас за имя Христово, то вы блаженны, ибо Дух славы, Дух Божий, почиает на вас. Теми он хулится, а вами прославляется»* (1 Пет. 4 : 14). Если кого влекут на допрос за Христову истину, то Дух Св. отвечает за такого праведника на суде: *«Не вы будете говорить, но Дух Отца вашего будет говорить в вас»*, — предупреждает Господь своих апостолов (Мф. 10 : 20), и действительно, когда члены нескольких синагог вступили в спор со Стефаном, то *не могли противостоять мудрости и Духу, которыми он говорил* (Деян. 6 : 10). Напротив, грех против Св. Духа есть то сознательное противление, сознательное отвержение

свидетельства совести, которое поэтому и не может проститься человеку, пока он пребывает в таком добровольном ожесточении. Как просветитель нашей совести, усваивающей нам пренебрежение к опасностям, Св. Дух есть и для нас самих, и для внешних всегдашний Свидетель истинности пути Христова, Свидетель Его Божества, как и обещал Господь в Прощальной беседе. Обещание это сбылось очень скоро, ибо чрез несколько недель апостолы говорили на суде: *«Свидетели Ему (т. е. Христу) в сем мы и Дух Святой, Которого Бог дал повинующимся Ему»* (Деян. 5 : 32). Сей Св. Дух уверяет нас в том, что Христос в нас пребывает (1 Ин. 3 : 24) и что мы дети Божии (Рим. 8 : 17). Но такая радость вовсе не есть бесплодный поэтический восторг, а любовь ко всем, почему и общение христиан, по слову апостола, было общением Св. Духа (2 Кор. 13 : 13); блюстителей стада Христова ставит именно Св. Дух пасти Церковь Господа и Бога, как говорит тот же апостол (Деян. 20 : 28), а Христос Спаситель изобразил этот дар учительства как дар преизливающегося восторга и любви, в следующих словах: *«Кто верует в Меня, у того, как сказано в Писании, из чрева потекут реки воды живой. Сие сказал Он о Духе, Которого имели принять верующие во имя Его, ибо еще не было на них Духа Святого, потому что Иисус еще не был прославлен»*, — поясняет евангелист (Ин. 7 : 38, 39).

Сохранила ли Церковь такое возвышенное учение о деятельности Св. Духа, о Его дарах? Не могла она не сохранить уже потому, что ее богослужebные молитвы составлены, как мозаика, из слов Св. Писания. Возьмите службу на день Св. Троицы, возьмите третьи антифоны воскресные на все восемь гласов: вы найдете в них именно те мысли о Св. Духе, которые мы излагали. Или рассмотрите ее молитвы при совершении тех священнодейств, в которых преимущественно подается благодать Св. Духа, т. е. при совершении таинств, или даже разберите содержание той молитвы ко Св. Духу, «Царю Небесный», с которой добрый сын Церкви начинает каждое дело, и вы увидите, что везде здесь мысль о нравственной чистоте, о ясности совести, о единении с Богом и Иисусом Христом, об общении любви со всеми. Поэтому если Толстой называет веру нашу святодуховской, то это означает такое исповедание, которое учит бесстрашию пред внешними опасностями, самоотвержению, целомудрию, любви, надежде и терпению.

Превратное, чуждое нравственному очищению учение о благодати, присущее хлыстам и другим сектантам, понуждает их удаляться от Церкви и ненавидеть ее, как тьма ненавидит свет. Несколько внешнее, механическое представление облагодатст-

вования человека свойственно и любезному нашим лжеумникам протестантству и католичеству, но, слава Богу, оно никак не может привиться к религиозной практике православных, хотя и силится оказать влияние на учебную литературу. Православное богослужение с такою силой проникнуто учением о вере, чистоте сердца, искренности и смирении как главных условиях нашего приближения к Богу, что никакое внешнее влияние не способно заглушить или затуманить просветленную ими совесть православных христиан. Толстой говорит, будто благочестие православных состоит в том, чтобы сказать грехи священнику и проглотить с ложечки причастие, но сам же он в своих повестях описывает, какую тяжелую нравственную борьбу и внутреннюю работу исполняет над собой человек, приступая к таинству, и какое изменение в себе ощущает по принятии его. Справедливо и то, что русский народ любит нашу обрядность, но нет ни одного священнодействия, которое бы в его глазах, а тем более по самому существу своему, не было бы выражением той или иной нравственной истины. Пусть наша вера будет сколько Христовой, столько и святодуховской; уступим на время Толстому его заблуждение, будто Христова вера, но без Св. Духа, у него, но тогда разница нашей веры с его верой была бы именно та, которая отличала разумную и самоотверженную веру апостолов после Пятидесятницы от их малодушной, неразумной и не чуждой себялюбия веры во время жизни Иисуса Христа на земле.

Но скажут: ваша православная вера свята по своему учению, но какова она в сознании ее теперешних носителей? Но ведь Толстой поносит самое учение, издевается над высокою истиною о Св. Духе в самых ее догматических определениях. Впрочем, если мы снова к практике обратимся, то увидим, что православные люди никогда не теряют сознания, что Бог требует от них прежде всего святости, что все дары Св. Духа суть дары внутреннего освящения. Это стремление к чистоте духовной, это постоянное сокрушение о своей греховной нечистоте есть не только основное настроение нашей веры, но и нашего верующего общества и верующего народа. Благочестие он понимает всегда как самоотверженный и даже страдальческий подвиг за Христову истину, тот подвиг, в котором утверждает христиан Св. Дух. Ему да будет слава со Отцом и Сыном вовеки.

